

УДК 398.3

UDC 398.3

**ТРАДИЦИОННЫЕ ЗАПРЕТЫ
И ОГРАНИЧЕНИЯ КАК ОСНОВА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРОТИВОПОЖАРНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ****TRADITIONAL PROHIBITIONS
AND LIMITATIONS
AS A BASE FOR STATE
FIRE-PREVENTION
SECURITY****Л. Н. Луц,***кандидат филологических наук,
доцент кафедры организации службы,
надзора и правового обеспечения
УГЗ МЧС Республики Беларусь;***L. Luts,***PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Organizing Service,
Supervision and Legal Maintenance,
UCD MES of the Republic of Belarus;***Л. М. Гунина,***старший преподаватель кафедры
организации службы, надзора
и правового обеспечения
УГЗ МЧС Республики Беларусь***L. Gunina,***Senior Teacher of the Department
of Organizing Service, Supervision
and Legal Maintenance, UCD MES
of the Republic of Belarus*

Поступила в редакцию 21.01.20.

Received on 21.01.20

В статье рассматриваются традиционные запреты и ограничения, связанные с огнем, которые, развиваясь в течение многих веков как правовые нормы, стереотипы жизни и трудовой деятельности, давали определенную уверенность в безопасности существования. Необходимость изучения в народном творчестве традиционных «огненных» запретов и ограничений связана с их четко выверенной, устоявшейся охранительной функцией, а также функцией регламентации добра и зла, разграничения разрешений и дозволений.

Ключевые слова: огонь, пламя, запрет (табу), ограничения, пожар, небесный огонь, молния, безопасность жизнедеятельности.

The article considers traditional prohibitions and limitations connected with fire; during many centuries they have been developing as legal norms, stereotypes of life and working activity, giving definite confidence in the safety of existence. The necessity of studying traditional “fire” prohibitions and limitations in the folk arts is connected with their thoroughly checked and stable defense function as well as the function of regulation of good and evil, differentiation between allowance and permission.

Keywords: fire, flame, prohibition (taboo), limitations, heavenly fire, lightning, security of vital activity.

Введение. Огонь является одним из основных универсальных явлений, которое непосредственно связано с жизнью человека. Народные представления свидетельствуют о том, что эта природная стихия владеет способностью воздействовать на все, что окружает человека, что имеет значение для полноценного существования. С древнейших времен огонь был необходимым элементом всех сфер жизни общества, основой развития отраслей промышленности, техники. Природные качества огня повлекли за собой амбивалентные к нему отношения (его ценили и боялись), а также отразились на нормах, стереотипах жизни и трудовой деятельности. Благодаря той роли, которую играл огонь в жизни людей, в большинстве

мифологических традиций он считался самим Богом, а позже – результатом или символом божественной деятельности. В белорусской традиции даже при христианстве огонь называли «богам», «святым агнём». При зажигании огня читали молитвы, а сам огонь считали очистительной стихией, священной силой. Огонь, по мнению Е. Мелетинского, – это «воплощение социума и домашнего очага, хранитель семьи, начало, которое объединяет свет богов, общину и каждую семью» [1, с. 667]. Распространение христианства повлияло на состав и характер народных верований, однако не изменило при этом их мировоззренческую основу. Желание улучшить благосостояние, страх перед неизвестным, природные ка-

таклизмы, неуверенность в своих силах вынуждали человека формировать свою собственную жизненную философию и законы выживания. Изучение традиционных запретов и ограничений, связанных с огнем, поможет воссоздать нормы безопасности жизнедеятельности в историко-эволюционном плане и выявить наиболее полную картину духовного и психоментального облика белорусского народа.

Основная часть. Наши предки обожествляли различные явления природы, которые вызывали внезапные нарушения нормальной жизнедеятельности. И в то же время боялись их: огонь был величайшей стихийной силой, он приводил к человеческим жертвам, к разрушениям и уничтожению материальных ценностей. Так, в белорусском фольклоре сохранилось множество пословиц, которые подчеркивают опасность огня: «*Не бойся ваўка, а бойся агня*»; «*Агонь – найстрашнейшы злодзей*»; «*З агнём жартаў няма*»; «*Хто іграе з агнём, дайграецца да попелу*» [2, с. 59]. Частые пожары в деревнях – с их деревянными строениями и скученностью – были настоящим бичом для крестьян, они оборачивались большими потерями в сельском хозяйстве и в личной собственности: «*Агонь горш за злодзья: злодзей хоць вуглы пакіне, а агонь нічога*»; «*Агонь начыста прыбярэ*» [2, с. 59].

По мнению английского ученого Э. Тайлора, «...реальное и абсолютное обожествление огня распадается на два вида: первый из них относится скорее к фетишизму, другой – к политеизму, причем один представляет, вероятно, более ранний, а другой – более поздний период развития теологических идей. Первый вид – это свойственное варвару почитание реального пламени, которое представляется ему чем-то таким, что крутится, ревет и пожирает предметы, как животное. Другой вид обожествления огня появился в связи с тем, что человек получил большую способность к обобщению; в этом случае каждое отдельное пламя стало считаться проявлением одного огромного стихийного существа – бога огня» [3, с. 457, 458].

Людям, чтобы обезопасить себя, приходилось не только обращаться к суровым языческим богам (до принятия христианства), к единому Богу, но и спасаться с помощью древних ритуалов, запретов (табу), ограничений, магических оберегов и т. д., которые, по их мнению, отводили огненные бедствия.

Так, огонь представлялся живым существом («*У Вялікі (Чысты) чацвер нямажна вадою агонь тушыць, грэх жыццё яму адбіраць,*

бо гэты дзень і для агню важны» [4, с. 248], и потому наши предки наделяли его именами, чертами характера («*агонь лічаць святым, але вельмі сярдзітым*» [5, с. 52], «*агонь будзе пакрыўджаны, калі яго будуць тушыць, прыкрыўшы*» [6, с. 84] и т. д.), определенными человеческими качествами («*аднойчы была падслухана размова двух братоў-агнёў*» [6, с. 84], «*яго не пакідаюць без яды, а яму кладуць палено, к яму прыстаўляюць горшчык з вадою*», «*два агні нямажна злучаць, ... бо яны наробяць шкоды*» [5, с. 52, 53]). Названные свойства огня в народном представлении выведены из его реальных качеств или того, что соотносится с ними. Например, огонь – очень небезопасное явление, и когда с ним обращаешься неосторожно, будет пожар. Это породило представления о «сердитости», «обидчивости» огня. Либо: никакое пламя не будет гореть, если не подкладывать в него дрова. Отсюда вера в то, что огню необходима еда.

Отношение к огню как к живому существу, которое может и помочь, и наказать, послужило основой для возникновения целой системы регламентаций поведения. Традиционные запреты, которые существовали в народе для гарантии безопасности от вредного воздействия огня, можно систематизировать по следующим функционально-семантическим группам:

- *не одалживать огонь в праздники* (во время важных хозяйственных дел), чтобы избежать потерь в хозяйстве;
- *не зажигать огонь в определенное время*, чтобы избежать стихийных бедствий и вредного воздействия со стороны различных сил;
- *не обижать, не оскорблять огонь, чтобы избежать его мщенья.*

Если запрет нарушался, крестьянина, в соответствии с народными поверьями, ждали различные неприятности. Так, если одолжить огонь во время праздника или важной сельскохозяйственной работы, то ничего хорошего можно не ждать: «*У пэўныя дні – на свята Вялікадня ці калі хто-небудзь з сямейнікаў выехаў на поле сеяць, а асабліва, калі ў гаспадарцы талака, – агню з печы не пазычаюць (запалкі пазычаць можна); вераць, што за агнём з хаты можа пайсці дабрабыт ці, прынамсі, збожжа не ўродзіць. У гэты час агонь называюць багаццем*» [7, с.17]; «*На Купало трэба вельмі сцерагчыся ліхіх людзей і нічога не даваць ім ..., бо яны пацягнуць к сабе спор* (г. зн. прыбытак ад тае ці іншае стравы). *Гарэй усяго не можа даваць нікаму агню або хлеба*» [5, с. 129]; «*Нельга пазычаць*

агонь нядобраму чалавеку» [8, с. 31]. Очевидно, что в данных примерах огонь наделён положительной семантикой и выступает в качестве эквивалента богатства, благосостояния. И потому мнение А. Афанасьева о том, что «огонь – божество, которое производит урожаи, тушение его и отдача в чужой дом – знак неплодородия и перехода благосостояния в чужие руки» [9, с. 18, 19], имеет право на существование.

Запреты на зажигание огня в определенное (точнее, определенное в народном сознании и в народном календаре) время были аргументированы следующим образом: «На Дабравешчанне не запальваюць увечары агню – іначай у ярыне завядуцца “галузы”, праз якія ўся яравая салома стане “няешчая”» [6, с. 241, 242]; «На Купала пастухам не дазваляюць пры чарадзе класці агонь, каб ведзьмы і чараўнікі не бралі і тым не рабілі ліха гавяду» [5, с. 156]; «Дзень гэты называецца “цуды”. Пачатая малацьба збожжа прыпыняецца на гэты дзень, бо вераць, што калі хто напярэдадні раскладвае агонь у гумне і малоціць – у таго згарыць гумно» [4, с. 294]. Запреты на зажигание огня во время праздников служили своего рода средством безопасности от потерь в хозяйстве, а накопленный трудовой опыт человек «передавал из поколения в поколение при помощи советов, наказов, пословиц» [10, с. 21].

Можно заметить, что в основе одной части запретов лежит вера в связь огня небесного (молнии) и огня земного (костер): невыполнение определенных требований в отношении одного из них вызывает отрицательную реакцию с другой стороны. Другая часть запретов данной функционально-семантической группы отражает веру в негативное влияние нечистой силы (ведьм и колдунов), которые могли соблазниться на огонь, украсть его и тем самым спровоцировать различные беды и несчастья.

В связи с вышеуказанным следует вспомнить исследование английского этнографа и фольклориста Дж. Фрезера «Золотая ветвь», в котором высказывается мысль, что «головешки, взятые из костра, часто хранились в домах с целью предохранения от пожара, и хотя совершалось это, вероятно, по принципу гомеопатической магии, то есть считалось, что один огонь служит защитой против второго огня, целью этого обычая, вероятно, было отпугивание поджигательниц – ведьм» [11, с. 67].

Отношение к огню как к живому существу породили ряд запретов, оберегов, которые были направлены на установление почтитель-

ных, уважительных отношений к этому природному явлению. Чтобы избежать мести огня, **нельзя** было на него **плевать** («На агонь нельга пляваць: на губах будзе вогнік», «Нельга пляваць у агонь, бо нячыстая з’есць тваю душу», «На агонь і ў печ грэх пляваць: на губах і на языку выскачаць прышчы – “вогнікі”» [8, с. 32].), **“мочиться”** («Строга забаранялася мачыцца ў агонь..., за гэта распухне...», «Гарэй усяго павінна сцерагціся жанчына, каб не сікануць на агонь, а то ў яе на ўсю жытку будзе бабская хвароба» [5, с. 34]), **бросать в нечистом месте, заливать помоями** и др. («Той шмат грашыць і прыніжае агонь, хто тушыць яго памыямі і наогул нячыстай вадой» [6, с. 84], **спиной стоять к огню** («Распальваючы печ, няможна адварочвацца ад печы, бо хата згарыць» [14, с. 248]); **бросать в огонь волосы человека** («Нельга кідаць абы-як валасы чалавека, бо калі яны трапяць у агонь, то ў галаве будзе пастаянна спякота» [8, с. 32] и т. п. Данные примеры позволяют утверждать, что отношение к огню как к живому существу, перенесение на него человеческих качеств обусловили и характер «мщения»: физическая обида этого природного явления вызывала физиологические проблемы в человеческом организме (плюнешь – прыщ («вогнік»), «сікнеш» – мужская или женская болезнь).

Количество ограничений и запретов, которые основываются на негативной семантике явлений, впечатляет. Понятно, что они возникли от суеверного страха, от определенного бессилия. Неслучайно выполнение запретов – это, возможно, надежда на поблажку, спасение.

По мнению З. Фрейда, «Суеверность – это в значительной степени ожидание несчастья. ...Суеверный человек склонен уделять внешнему случаю значение, которое должно появиться в форме реальных событий, склонен видеть в происшествии средство выражения чего-либо внешнего, скрытого от него» [12, с. 297, 298].

По Дж. Фрезеру, запреты (табу) – это негативная магия, правило которой звучит следующим образом: «Не делай того-то, чтобы не произошло то-то» [10, с. 27]. В любом случае приведенные примеры народных поверий и связанных с ними магических приемов позволяют утверждать, что значительная часть традиционных ограничений, оберегов, запретов основывается на принципах гомеопатической и контагиозной магии, что свидетельствует об их древнем происхождении и мифологической основе.

Самым опасным, страшным и таинственным, по представлениям наших предков, был огонь небесный. Он возникает от удара молнии, приносит ужасные пожары, которые уничтожают и подворье, и урожай. По народным поверьям, такой пожар запрещалось тушить. Кстати, в Польше этому поверью следовали вплоть до начала XX в. Такие пожары водой заливать было грех, разрешалось только квасом или молоком (причем «только кислым или козьим молоком») [4, с. 248]. Поэтому лишь очень богатый человек мог себе это позволить. Этнограф В. Шуклин точно подметил: «В этом обычае запечатлены два вида жертв огню: животная (молоко коровы) и растительная (хлебный квас)» [13, с. 64]. По русскому поверью, чтобы огонь от молнии не распространялся дальше, в пламя бросали обруч с квасной шайки.

Огонь от молнии и саму молнию белорусы часто называют Перуном («Як пярун смаліць, дак усё байцца, дрыжыць, нават дождж спалохаецца...» [5]). Огню от молнии передавались и сверхъестественные качества. Люди верили в его способность наказывать плохое, воздействовать на порядок в хозяйстве, помогать или вредить посевам. Поэтому наши предки делали все возможное, чтобы избежать неблагоприятных влияний. Обратимся к примерам. «Сяляне з Благовешчання да Узнясення, пакуль пахаць, не распальваюць агню, а кладуцца спаць у пацёмках, а то маланкаю выпаліць жыта: агню не дзьмі, а ў пацёмку паеш і ўбірайся спаць на ложку» [8, с. 34].

Имеется сообщение, датированное XVII веком, о жмудском крестьянине, горько сокрушавшемся по поводу того, что молния, ударившая рядом, не поразила его – иначе он мог бы стать бессмертным. Впрочем, увидев, что молния испепелила седло на его лошади, крестьянин обрадовался и тут же съел щепотку пепла, пояснив, что теперь будет жить долго, счастливо, приобретет дар ворожбы и заклинания огня [14, с. 248].

Есть свидетельства, что на Полесье в древности народ питал сильное уважение не толь-

ко к огню, но и особенно к пожару. «Народ приветствует его как гостя и выставляет столы, накрытые белой скатертью с положенным на них хлебом и солью. Ежели пожар не унимается, то приглашают старуху-чаровницу, и та, раздевшись донага, обегаёт кругом загоревшихся строений три раза, произнося какие-то заклинания. Если гром ударит в человека или в строение, никто не станет его спасать, считая это сопротивлением воли божьей. Предрассудок этот распространен как в целой Литве, так и в Белоруссии» [15, с. 5].

Не только у восточных, но и у западных славян применялась практика заговора огня, чтобы он не пошел дальше и перестал бушевать. Но такое заклятие пожара считалось небезопасным, произносить его могли только ведьмы, колдуны и т. п.

Заключение. Таким образом, традиционные запреты и ограничения, связанные с огнем, демонстрируют устойчивые мировоззренческие нормы, стереотипы жизни и трудовой деятельности и гарантируют определенную безопасность жизнедеятельности. В желании сохранить свою жизнь, хозяйство и урожай люди находили связь между огнем земным и небесным, пытались таким образом позвать опекуна земного пламени (например, огонь из печи и т. п.) на помощь от огня небесного. Определенное количество запретов и ограничений основывалось на реальных качественных параметрах огня. Также человек воздерживался от определенных действий, поскольку свято верил, что они могут повредить ему и его хозяйству. «Такие вещи он табуирует. ...цель табу – сделать так, чтобы нежелательное событие не состоялось» [11, с. 27]. Традиционные запреты и ограничения об огне имеют глубокую мифологическую основу и в большинстве случаев носят иррациональный характер. Они являются первичными формами ограничения действий и регулирования отношений в обществе и природном мире.

ЛІТЭРАТУРА

1. Мелетинский, Е. М. Мифологический словарь / Е. М. Мелетинский. – М. : Советская Энциклопедия, 1990. – 672 с.
2. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кнігах / Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ, артыкул і камент. М. Я. Грынבלата ; рэд тома А. С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – кн. 1. 616 с. (АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Бел. нар. творчасць).
3. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.

REFERENCES

1. Meletinskij, E. M. Mifologičeskij slovar' / E. M. Meletinskij. – M. : Sovetskaya Enciklopediya, 1990. – 672 s.
2. Prikazki i prymawki : u 2 knigah / Sklad., sistematyzyjacya tekstaw, ustup, artykul i kamjent. M. Ja. Grynblata ; red toma A. S. Fjadosik. – Minsk : «Navuka i tehnika», 1976. – kn. 1. 616 s. (AN BSSR. In-t mastactvaznawstva, etnagrafii i fal'kloru. Bjel. nar. tvorchasc").
3. Tajlor, E. B. Pervobytnaya kul'tura / E. B. Tajlor. – M. : Politizdat, 1989. – 573 s.

4. *Federowski, M.* Lud białoruski: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 / M. Federowski; Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk; – Krakow, 1958. – T. 5 : Pieśni. – 917 s.
5. *Сержпудоўскі, А. К.* Прымхі і забавоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпудоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.
6. *Никифоровский, Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи... Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Губерн. Типо-Литограф., 1897. – 307 с.
7. *Багдановіч, А. Я.* Перажыткі старажытнага света-сузірання ў Беларусі : этнаграфічны нарыс / А. Я. Багдановіч. – Мінск : Беларусь, 1995. – 186 с.
8. *Кастрыца, А. А.* Міфалагічныя ўяўленні ў беларускіх прыкметах і павер'ях аб прыродных з'явах і гаспадарчай дзейнасці : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / А. А. Кастрыца ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фалькору. – Мінск, 2009. – 119 с.
9. *Афанасьев, А. Н.* Древо жизни: Избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М. : Современник, 1983. – 464 с.
10. *Кабашнікаў, К. П.* Ад традыцыйнага фальклору да рэвалюцыйнай паззіі / К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 177 с.
11. *Фрэзер, Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Дж. Фрэзер. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 528 с.
12. *Фрейд, З.* Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд. – М. : АСТ, 2009. – 256 с.
13. *Шуклин, В. В.* Мифы русского народа / В. В. Шуклин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. – 334 с.
14. *Луц, Л. Н.* Традиционные практики защиты от небесного огня (пожаров) у восточных славян / Л. Н. Луц // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. ст. XIV Международных Карских чтений / ГрГУ имени Янки Купалы : Гродно, 2018. – С. 246–249.
15. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб. : [Тип.] М. О. Вольф, 1881–1901. – Т. 3. Ч. 1 : Литовское по-лесье ; Ч. 2 : Белорусское по-лесье. – СПб. ; М., 1882. – 490, VI с.
4. *Federowski, M.* Lud białoruski: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 / M. Federowski; Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk; – Krakow, 1958. – T. 5 : Pieśni. – 917 s.
5. *Sjerzhputowski, A. K.* Prymhi i zababony bjelarusaw-paljeshukow / A. K. Sjerzhputowski. – Minsk : Univjersiteckaje, 1998. – 301 s.
6. *Nikiforovskij, N. Ya.* Prostonarodnye primety i pover'ya, suevernye obyryady i obychai... Vitebskoj Belorussii / N. Ya. Nikiforovskij. – Vitebsk : Gubern. Tipo-Litograf., 1897. – 307 s.
7. *Bagdanovich, A. Ja.* Pjerazhytki starazhytnaga svjeta-suzirannja w Bjelarusaw : etnagraficzny narys / A. Ja. Bagdanovich. – Minsk : Bjelarus", 1995. – 186 s.
8. *Kastryca, A. A.* Mifalagichnyja wjawljenni w bjelaruskich prykmjetah i pavjer'jah ab pryrodnih z'javah i gaspadarchaj dziejnasci : dys. ... kand. filal. navuk : 10.02.01 / A. A. Kastryca ; In-t mastactvaznavstva, etnografii i fal"koru. – Minsk, 2009. – 119 s.
9. *Afanas'ev, A. N.* Drevo zhizni: Izbrannye stat'i / A. N. Afanas'ev. – M. : Sovremennik, 1983. – 464 s.
10. *Kabashnikaw, K. P.* Ad tradycyjnaga fal"kloru da revaljucyjnaj paezii / K. P. Kabashnikaw. – Minsk : Navuka i tehnika, 1969. – 177 s.
11. *Frezer, Dzh.* Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii / Dzh. Frezer. – M. : TERRA-Knizhnyj klub, 2001. – 528 s.
12. *Frejd, Z.* Psihopatologiya obydennoj zhizni / Z. Frejd. – M. : AST, 2009. – 256 s.
13. *Shuklin, V. V.* Mify russkogo naroda / V. V. Shuklin. – Ekaterinburg : Bank kul'turnoj informacii, 1995. – 334 s.
14. *Luc, L. N.* Tradicionnye praktiki zashchity ot nebesnogo ognja (pozharov) u vostochnyh slavyan L. N. Luc // Slavyanskij mir i nacional'naya rechevaya kul'tura v sovremennoj kommunikacii : sb. st. XIV Mezhdunarodnyh Karskich chtenij / GrGU imeni Yanki Kupaly : Grodno, 2018. – S. 246–249.
15. Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii / pod obshch. red. P. P. Semenova. – SPb. : [Tip.] M. O. Vol'f, 1881–1901. – T. 3. Ch. 1 : Litovskoe poles'e ; Ch. 2 : Belorusskoe poles'e. – SPb. ; M., 1882. – 490, VI s.